

Александр Сальников

**Маленький великан
(Сказка)**

6+

Александр Сальников

Маленький великан

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Сальников А. А.

Маленький великан / А. А. Сальников — «ЛитРес: Самиздат»,
2005

Сказка повествует о маленьком мальчике, который был великаном, но вполне мог уместиться на небольшом дубовом листе. О том, как он нашёл и потерял друга. Как видел большое в малом и малое в большом. О том, что мир может быть совсем не таким, каким мы его себе представляем. Дизайн обложки автора.

© Сальников А. А., 2005
© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

1. Знакомство	6
2. Маленький Враль	8
3. Начало истории	10
4. Продолжение начала истории	11
5. Конец начала истории	12
6. Дар	13
7. Полет осенних листьев	14
8. Превращение	15
9. Скриптиус	17
10. Траурная соната	19
11. Дом N 1/4	20
12. Соната N 2, и пятнадцать сонат одного дня	22
13. Нападение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Сальников

Маленький великан
(Сказка)

Москва, 2018 год

1. Знакомство

Наступала осень, и сад превращался в сказочную страну. Деревья становились красивыми, разноцветными. Невозможно было отвести от них взгляда. А самые первые из цветных листьев уже отрывались, летели, опускались на гладкую поверхность старого пруда и скользили по ней, подгоняемые легким ветерком.

Мальчик любил гулять в саду около пруда. Здесь с ним всегда приключались удивительные события. Впрочем, это самое начало истории. А познакомился я с этим мальчиком гораздо позже, в самом её конце, когда на деревьях уже почти не оставалось листьев. В то время мне нужно было уединиться для работы. Я снял домик за городом, небольшой флигель в глубине сада перед большим живописным прудом, на другом конце которого стоял старый ветвистый дуб. Хозяева флигеля тоже жили на другой стороне сада, в трехэтажном особняке, похожем на маленький замок. Деревья сада скрывали особняк от озера и флигеля, поэтому я мог чувствовать себя вполне уединённо. Сад был довольно обширным, а пруд находился почти по его середине. Место мне сразу понравилось. Здесь было тихо и уютно. В свободные часы я гулял по тропинкам сада и думал о разных вещах. Например, о том, что увядающие листья становятся ещё прекрасней и нежней. Я слушал, как они шуршат под ногами, и жалел их. Было сухо и тепло. Это были последние теплые дни осени.

Однажды я забрел вглубь сада и вышел к другому концу пруда, туда, где стоял старый дуб, широко раскинувший свои ветви. Я остановился возле пруда у самого дуба. Почти вся поверхность воды в пруду была покрыта желтыми, красными, лиловыми листьями. Они слегка колыхались на водной ряби и были похожи на разноцветную осеннюю мозаику, на маленькие кораблики, на осеннюю флотилию сада. Я облокотился на толстую нижнюю ветвь дуба, которая отделялась от ствола почти перпендикулярно на высоте всего около метра от земли и затем поднималась вверх, создавая иллюзию, будто у дуба два ствола.

Я стал любоваться пейзажем. Погода была не по-осеннему теплой. Лучи остывающего солнца ласкали полуобнаженные ветви ив, дубов, лип и кленов, золотили чешуйки редких сосен, и от этого сад казался умиротворенным, добрым.

Справа от меня на небольшой веточке дуба, совсем рядом с той ветвью, на которую я облокотился, покачивался последний листок. Он висел почти над моей головой. Солнце просвечивало сквозь него, и было видно, что на листике примостилась какая-то букашка. Я успел подумать о том, что сейчас дунет легкий ветерок и этот последний листок тоже сорвется, и полетит вниз, на разноцветную гладь пруда, к своим братьям. Но едва я об этом подумал, как лист и впрямь оторвался от ветки и сделал плавный круг в воздухе.

Едва я успел подставить ладонь, как лист послушно опустился на неё. И тут я увидел на листе вместо букашки маленького человечка. Он был таким крохотным, не больше половины моего мизинца. Вначале я принял его за жирную гусеницу. Но тут же разглядел, что это был именно человек. Я подумал, что, может быть, это игрушечная крохотная куколка каким-то образом оказалась на листе. Кукольный человечек лежал на боку и не шевелился. Поднеся ладонь с листом поближе к своему носу, я увидел, что это вовсе не куколка, а самый настоящий человечек, обыкновенный маленький мальчик, только совсем крохотный. Он мирно спал и даже шевелился во сне. На мальчике были такие же крохотные синие брючки и коричневая миниатюрная курточка.

Около минуты я с удивлением разглядывал этого волшебного гномика и никак не мог поверить своим глазам. За всё это время малыш так и не проснулся. Я стал сомневаться: на самом ли деле он живой, или это ветер покачивает его. Тогда я слегка пошевелил мальчика кончиком пальца. Малыш перевернулся на спину, открыл глазки, облокотился на локотки и посмотрел на меня.

В то же мгновение мальчик вдруг превратился из гномика в обычного мальчугана и, конечно же, свалился с моей ладони прямо на жухлую траву. Признаться, я даже оробел, отступил на шаг, и стоял, словно столб, не веря в происходящее. Мальчик между тем поднялся на ноги, отряхнул свои синие брючки и коричневую курточку, посмотрел на примятые листья и, вздохнув, сказал:

– Ну вот, теперь я уже никуда не смогу улететь. И к тому же я, кажется, только что раздавил его новый домик.

– Куда улететь? – спросил я. – Какой домик?

– Домик Скриптиуса, – ответил малыш и грустно добавил: – Теперь уже ничего нельзя изменить.

– Что нельзя изменить? – спросил я.

– Ничего, – сказал мальчик.

– А кто такой этот Скриптиус?

– Мой друг, жук-носорог.

Мальчик осторожно повернулся, вступил на тропинку и пошел прочь.

– Постой! Постой, – догнал я его. – Разве жук был твоим другом? Расскажи мне об этом...

Так мы и познакомились. С того дня я перестал удивляться чудесам, которые творились в этом саду. Впрочем, это было в самом конце истории о маленьком мальчике. Тогда на деревьях уже почти не осталось ни одного листа. А началась она гораздо раньше, когда еще только наступала осень, и сад превращался в сказочную страну.

2. Маленький Враль

Мальчик шел медленно, всё время глядя себе под ноги, словно боялся на что-то наступить.

– Постой, – догнал я его. – Разве жук был твоим другом? Расскажи мне об этом. Ты говоришь, его звали Скриптиусом?

– Да, – ответил мальчик.

– А почему именно Скриптиусом?

– Не знаю. Так он мне представился. Разве кто-нибудь знает, почему его называли так, а не иначе?

– Ну, некоторые знают, – ответил я. – Вот меня, например, называли в честь одного знаменитого полководца.

– Так ведь вы же не жук, – сказал мальчик.

– Да, тут ты прав.

Мы шли по тропинке, ведущей к особняку. Я смотрел на малыша и никак не мог поверить, что всего лишь какую-то минуту назад он свободно умещался на дубовом листике, который лежал у меня на ладони.

– А куда ты хотел улететь? – поинтересовался я.

– Сначала я хотел улететь на юг, – ответил мальчик. – Вместе со Скриптиусом. А потом... потом просто, полетать на листике...

– На юг? – перебил я его, удивившись. – Разве жуки, как птицы, к зиме улетают на юг?

– Нет, – сказал мальчик. – Сначала я думал, что «да», а потом узнал, что «нет». А Скриптиус весной очень огорчится из-за своего домика. Ведь мы с таким трудом его построили.

Мальчик был явно огорчен.

– Что построили? – спросил я.

– Дом для Скриптиуса.

– И ты строил?

– Да. Я помогал.

Эта история меня увлекала всё больше. Мне не хотелось отпускать мальчика, пока он не расскажет её всю.

– Скажи, а как ты превращаешься в маленького гномика? – спросил я.

– Меня научила этому старая ворона Карра. Она заговорила со мной, а потом объяснила мне, как можно уменьшаться и увеличиваться по своему желанию.

– А ты меня не обманываешь?

– Нет, – сказал малыш. – Но вы, взрослые, всё равно ничему не верите. И папа не верит. Он называет меня Маленьким Вралем. И мама тоже. Только она иногда делает вид, что верит, вот как вы. А сама называет меня фантазером... Но ведь фантазии на пустом месте не рождаются, правда?

– Возможно, ты прав. А ты мог бы сейчас превратиться в гномика, чтобы я видел?

– Взрослые всегда требуют доказательств, – ответил мальчик. – Но все равно не верят. Ведь вы же видели.

Он был прав. Я шел за ним следом и не знал, что ответить. Но малыш добавил:

– К тому же, я уже больше никогда не смогу превращаться, потому что вы видели меня.

– Но причем тут я?

– Притом, что, если хоть один взрослый увидит превращение, он не поверит своим глазам, и тогда дар превращения пропадает.

– А ты попробуй. Может, он ещё не пропал?

– Попробовать я смогу только завтра, – ответил малыш. – Это можно делать только раз в день.

Тогда я решил попросить его:

– Послушай, расскажи мне о своих превращениях. Мне очень интересно. Я поверю каждому твоему слову, – пообещал я, и добавил: – честное слово.

– Взрослых мало что интересует, – сказал мальчик.

– Вот тут ты ошибаешься. Просто у взрослых есть свои интересы, свои заботы, которые не интересны таким малышам, как ты. Но мне правда хочется узнать о тебе побольше, узнать твою историю.

– Зачем вам?

– Ну, я ведь первый раз в жизни видел превращение мальчика. Такого не забудешь. Может, я напишу об этом книгу.

– Ах, да. Вы ведь писатель... Мама мне говорила, что все писатели – больные люди.

– Правда? – удивился я.

– Да.

– А ты любишь читать?

– Я прочитал много книг, – сказал мальчик без всякого хвастовства. – Только мало среди них попадаете интересных. И картинки не всегда красивые. Когда картинки красивые, книга становится намного интересней.

– Тут ты совершенно прав, – согласился я. – И в какой же книге картинки тебе больше понравились?

Мальчик ненадолго задумался.

– В книге про собаку, которая была кошкой. Мы со Скриптиусом делали дом по рисункам из этой книги. Там очень красивые дома, похожие на маленькие замки.

– Ваш дом тоже похож на замок. Твой папа, наверное, очень богатый человек?

– Не настолько, чтобы подарить мне друга, – ответил мальчик.

– Разве друзей дарят?

– Бывает, что и дарят, – сказал малыш. – Но чаще их находят, или теряют... И теряют даже чаще, – грустно добавил он.

Мальчик рассуждал совсем по-взрослому, и это казалось забавным и странным. Мы перешли небольшой мостик через ручей, втекающий в пруд. Здесь мальчик остановился и сказал, что дальше пойдет один.

– Но мы с тобой еще встретимся? – забеспокоился я. – Ты мне расскажешь о своих приключениях?

– Приходите завтра к старому дубу, – ответил малыш. Потом он хотел уйти, сделал несколько шагов, но обернулся и добавил: – Только осторожно шагайте по траве, не раздавите кого-нибудь.

Малыш ушёл. Только тут я вспомнил, что даже не спросил его имени. Очень уж он был странным.

3. Начало истории

В то утро, когда всё началось, малыш проснулся раньше обычного. За окном солнце окрашивало деревья сада в изумрудные цвета с розовыми утренними оттенками. Из раскрытой форточки доносился щебет птиц. Мальчик потянулся на постели и только хотел подняться, как вдруг в форточку влетел небольшой кленовый листок. Он плавно опустился на постель малыша. Совсем зеленый листок, только по краям чуть–чуть пожелтевший.

«Первое письмо осени», – подумал малыш. Он взял листок, слез с кровати и положил его на подоконник. Потом достал из шкафа коробку с засушенными жуками и бабочками, разложил насекомых рядом с листиком и стал рассматривать. Это была папина коллекция. Папа рассказывал, что собрал её ещё в молодые годы, и что она чудом сохранилась у бабушки на чердаке. Тогда малыш думал: «Разве годы бывают молодыми или старыми? Если папа говорит, что собрал эту коллекцию ещё в молодые годы, значит, сейчас годы старые, и я живу в старые годы. Какая–то ерунда. Странно все–таки говорят взрослые. И как это можно чудом сохраниться? Либо вещь хранят, как положено, и она сохраняется, либо хранят плохо, и она пропадает. Какое же здесь чудо?» Но папа все подобные вопросы называл глупыми, и малыш никогда не лез к нему с «такими пустяками».

Когда мальчик подрос, папину коллекцию передали ему, так как папе она давно уже была не нужна. Уже тогда в ней у многих насекомых были поломаны лапки и усики. Мальчику хотелось, чтобы жуки и бабочки были живыми, но чтобы не расползались и понимали его. Тогда он мог бы поиграть с ними. Он мог бы научить их стольким интересным вещам! Но как играть с калекками, приколотыми булавками к картону?

Малыш убрал коллекцию обратно в коробку и решил немедленно идти в сад. Ему больше нравилось наблюдать за живыми насекомыми. А в саду их сколько угодно. Там ему никогда не было скучно. Только иногда немножко грустно. Но грусть, ведь это не скука.

Малыш вышел из дома. В огороде мама рвала морковь. Увидев малыша, она выпрямилась и улыбнулась:

– Ты чего так рано сегодня?

– Я хочу погулять в саду, – ответил мальчик.

– Сначала надо позавтракать.

– Я не хочу есть.

– Всё равно надо, – ответила мама. – Нельзя гулять на голодный желудок.

– Он у меня не голодный, – попытался возразить малыш, но мама была непреклонна.

«Дети всегда должны есть тогда, когда этого хотят взрослые. Даже если совершенно не хочется есть, – подумал малыш и направился в столовую комнату. А еще он подумал о том, почему завтрак называют завтраком. – Дают его с самого утра, а называют завтраком. Странно. Вот и давали бы завтра. Завтра? Так это, наверное, потому, что пищу оставляют на завтра и доедают утром. Вот и получается: завтра утром, или завтрак».

– Мама, почему завтрак называют завтраком? – спросил малыш, когда уже сидел за столом и нехотя пережёвывал котлету.

– Не знаю, – ответила мама. – Не задавай глупых вопросов. Лучше ешь!

4. Продолжение начала истории

– Ешь кашу, – заставляла мама. – И поддевай морковь, а то так и останешься маленьким на всю жизнь. Не вырастешь.

– Я не люблю морковь. А зайцы и мыши едят ее и не вырастают большими.

– А люди вырастают. Вон посмотри на папу, какой он большой.

Папа молча уписывал завтрак и читал газету.

– Но все папины знакомые выше его, – сказал мальчик.

– Не выше, а длиннее, – заметил папа и снова уткнулся в газету.

– Значит, они больше ели моркови, – ответила мама.

– А я не хочу быть большим, – сказал мальчик. – Я хочу остаться таким, какой есть. Большим быть не интересно.

– Оставайся, каким хочешь, но завтрак доешь, – строго сказала мама. – Иначе на весь день останешься дома. Хоть бы ты повлиял на него, – упрекнула она папу.

«Взрослые никогда не едят то, что им не нравится, – подумал малыш насупившись. – Но они всегда заставляют делать это детей».

– Ну, мне пора, – заявил папа и повернулся к малышу. – Если ты успеешь доесть свою кашу, то я прокачу тебя на машине до самых ворот.

Завтрак каким-то странным образом мгновенно исчез в животе мальчика, ему даже не пришлось его пережевывать, всё произошло само собой. Через минуту он уже сидел в машине и ждал отца.

Отец улыбнулся, потрепал малыша по волосам и повернул ключ зажигания. Машина тихо заворчала и медленно поехала по аллейке. Но не прошло и минуты, как отец нажал на тормоз перед самыми воротами.

– Вот и всё, – сказал он. – Выходи и отворяй ворота.

Малыш вышел из машины, открыл обе половины ворот и долго смотрел на удаляющуюся машину отца, пока она вовсе не исчезла за поворотом.

5. Конец начала истории

Когда машина исчезла из вида, мальчик закрыл ворота и побрел к дому. Ему хотелось сразу уйти в сад, потому что стало отчего-то грустно. Но нужно было спросить разрешения у мамы. "Взрослые не любят, когда дети делают что-нибудь без спроса, или уходят куда-нибудь без разрешения. Но сами всё делают без разрешения".

Мальчик плелся по аллейке к дому и смотрел на деревья. Некоторые из них уже стали разноцветными, красивыми, но на дорожке листьев было ещё очень мало. Он стал разглядывать лежащие под ногами листья, потом заметил около листьев следы какой-то птицы. Рядом копошились муравьи. А вот и след папиной машины. Красивый узор хорошо врезался в грунт. Малыш представил себя следопытом. Он читал про следопыта в какой-то старой папиной книжке. Кажется, она так и называлась: «Следопыт». И написал ее писатель, которого звали Фенимор. Мальчик запомнил это имя, потому что оно показалось ему очень смешным.

Возле крыльца стояла мама.

– Ну, проводил папу? – спросила она.

Малыш кивнул головой.

– Теперь можешь идти, погулять в саду. И смотри не подходи близко к пруду, ты ещё не научился плавать, – наказала она.

Малыш снова кивнул.

«Не ходить туда, где всех интересней, – подумал он. – Ну, уж это фигурки».

6. Дар

Малыш примостился на толстой нижней ветви древнего суковатого дуба, которая висела всего в полуметре от земли и могла служить прекрасной широкой скамейкой. Он смотрел на трепещущий от ветра пожелтевший лист. Вдруг лист оторвался от ветки. Ветерок понёс его к пруду, лист долго летел над водой и опустился прямо на середину старого пруда. За ним полетел ещё один лист, потом ещё...

«Почему взрослые ничего не понимают?» – подумал малыш.

Вдруг над его головой кто-то громко и истошно каркнул:

– Ка-а-ар-р-р!

Малыш вздрогнул и задрал вверх голову. Прямо над ним, на одной из ветвей дуба сидела большая серая ворона. Некоторое время мальчик и птица неподвижно смотрели друг на друга.

– Ка-ар-р! – каркнула ворона ещё раз, глядя прямо в глаза мальчика, так что ему даже стало немного не по себе.

– Уходи! – шикнул на неё малыш и махнул устрашающе рукой. Но птица не напугалась. Малыш посмотрел вокруг, чтобы найти какую-нибудь палку или камень и запустить в ворону. Но ничего не нашёл.

– Ка-а-ар-р-р! – в третий раз крикнула птица ещё страшней и вдруг заговорила хриплым человеческим голосом. – Не пугайся. Я только поздоровалась с тобой.

Некоторое время малыш не мог ничего ответить от растерянности, он только смотрел на птицу, разинув рот. Но вскоре совладал с собой.

– Я и не боюсь, – сказал он. – С чего ты взяла?

– Смелый мальчик не станет вооружать себя даже палкой, – прохрипела ворона. – Запомни, следопыт.

– Я и не хотел вооружаться... – попытался оправдаться мальчик, но ворона перебила его.

– Не старайся обмануть того, кто тебя учит, – сказала она. – Сегодня мне исполнилось двести семь лет, и я видела уже много мальчиков и девочек. У этого дуба играл ещё твой дедушка, когда был таким же маленьким, как ты. Потом, – твой папа.

– И с ними ты тоже разговаривала?

– Нет. Я заговорила только с тобой, потому что у тебя есть дар. Иначе я с тобой ни за что не стала бы разговаривать.

– Какой дар? – спросил малыш.

– Дар сочувствия, следопыт. Цени и береги его. Потому что его легко потерять.

– А что это за дар? Кто мне его подарил?

Ворона слетела на нижний сук и села рядом с мальчиком. Она почесала клювом под крылом, а потом сказала:

– Это природный дар. Его никто не подарил. Ты с ним родился.

– А зачем?

– Чтобы чувствовать боль других, – ответила ворона. – Посмотри вокруг. Посмотри на деревья, на старый пруд, на траву и листья, на цветы... Что ты чувствуешь.

– Красиво, – сказал мальчик. – И немного грустно.

– Это осень, – прохрипела ворона. – Запомни её, следопыт. Посмотри на этот старый дуб. Когда я была ещё совсем птенцом, он уже рос здесь и был молодым крепким деревом.

7. Полет осенних листьев

Ворона подошла чуть поближе к мальчику.

– Посмотри на листья, – сказала она. – Что они делают после того, как оторвутся от ветки?

Мальчик увидел, как очередной лист покинул своё место и опустился прямо ему под ноги.

– Листья падают на землю, – сказал он. – Что же ещё?

– Эх ты, следопыт, – прохрипела ворона. – Это ты падаешь, когда запнёшься о кочку или не удержишься на сучке дерева. Вот тогда ты действительно падаешь. Потому что падение бывает только тогда, когда каждый последующий миг скорость твоего полета вниз становится больше. У листьев так никогда не бывает. Запомни это, следопыт.

– Что же они делают, когда отрываются от ветки, если не падают? – спросил мальчик.

Ворона подошла к нему поближе и вытянула шею, словно хотела шепнуть на ухо.

– Они летят! – прохрипела птица. – Они отрываются и летят! Это первый и последний полёт в их жизни. У каждого листа он свой, неповторимый. У всех он разный. Возможно, что этого полета они ждут всю свою жизнь. Я наблюдала за ними двести семь лет, каждую осень. Листья никогда не падают. Они летят! У одного этот полёт короткий и некрасивый, очень похожий на падение. Но всё равно, это именно полёт. У другого, – долгий и прекрасный, как у птицы. В мире нет ничего удивительнее полета осенних листьев. Запомни это, следопыт. Смотри.

Они стали смотреть, как облетают листья. Мальчик и ворона сидели рядом на толстом суку старого дуба и смотрели на падающие листья. В саду было тихо и тепло. Солнце припекало черные перья птицы, и они поблескивали при каждом её движении. Прошло ещё некоторое время, прежде чем ворона встрепенулась, отошла от мальчика и взмахнула крыльями.

– Ну, мне пора, – сказала она.

– Ты ещё прилетишь? – спросил малыш.

– Конечно. Я ведь живу в этом саду. Там, позади твоего дома, среди вороньих гнезд есть и моё.

Она взлетела и унеслась прочь, промелькнув над кленами. Мальчик даже не удивился, что разговаривал с птицей. С того дня он вообще ничему не удивлялся.

8. Превращение

На следующее утро они снова встретились возле дуба.

– Ка-ар-р! – сказала ворона мальчику.

В этот раз он не испугался, потому что уже знал, что ворона всего лишь поздоровалась с ним. Он даже услышал в её крике нечто похожее на приветствие.

– Здравствуй, – ответил малыш. – Я ждал тебя.

– Знаю, – ответила ворона. – Иначе бы я и не прилетела.

– Откуда ты это знаешь?

– Я многое знаю, – сказала она. – Например, знаю, как тебя зовут.

– А тебя как зовут? – спросил мальчик.

– Карра. Зови меня Каррой.

Мальчик только вздохнул в ответ и стал смотреть на тихую гладь пруда.

– Почему ты опять такой грустный? – прохрипела птица.

– У меня нет друзей, – ответил мальчик. – Мне не с кем играть.

– Но разве я не твой друг? – спросила ворона.

– Ты – птица, а я – человек.

– Ну и что?

– Мы с тобой разные. Ты маленькая, а я большой. Ты умеешь летать, а я нет.

– Не такой уж ты и большой.

– Я не это имею в виду, – сказал малыш. – Человек всё равно больше вороны. Вот если бы можно было превратиться в маленького человечка, в такого, как жучёк. Тогда бы я мог дружить с жуками.

– Ка-ар, ка-ар, ка-ар, – засмеялась ворона. – Дружить с жуками! Вот потеха. Жуков лучше всего есть.

– А я хочу с ними дружить! – твёрдо сказал мальчик. – Я ведь не птица, чтобы есть жуков.

– Но люди не дружат с жуками, – прохрипела ворона.

– Знаю, – грустно ответил мальчик. – Вот если бы стать таким же маленьким, как они...

– Ты действительно этого хочешь?

– Да, – сказал малыш. – Тогда я мог бы столько узнать!

– Что ж, это похвально, – сказала Карра. – Я научу тебя превращаться в маленького человечка.

– Разве это возможно?!

– Если ты чего-то очень захотел, значит это возможно, – ответила ворона. – Человеку с даром сочувствия для этого нужно только знать три слова. Повтори их про себя, и ты будешь короче дождевого червяка. Ха-ха, ка-ар-р!

Ворона сказала мальчику на ушко волшебные слова и, хрипло смеясь, перескочила на другую ветку дуба.

– Ты думаешь, у меня получится? – засомневался мальчик.

– А ты попробуй, – сказала Карра и снова засмеялась. – Первый раз встречаю мальчика, который хочет стать жуком, а не птицей.

Малыш встал на траву возле тропинки перед дубом, и произнес три заветных слова и изо всех сил пожелал стать маленьким-маленьким, не больше жука. Вдруг ему показалось, что он стал стремительно падать, а все вокруг понеслось куда-то вверх, к небесам, непомерно при этом увеличиваясь в размерах. Все произошло так быстро, что малыш не успел даже напугаться. Впрочем, он был не из пугливых.

Деревья стали настоящими гигантами, а трава превратилась в густые заросли высокого леса. Что-то огромное и черное, словно большой самолет, ринулось на него сверху, закрыв

собой почти полнеба. Это была ворона Карра. Когда она опустилась возле мальчика, он увидел, что ее когтистые пальцы стали толще бревен.

– Ну что, убедился? – прохрипела она таким страшным голосом, что по телу мальчика пробежала дрожь.

– Почему ты так кричишь?! – крикнул в ответ малыш как можно громче. Но его крик оказался тонким писком.

– Я не кричу, – прохрипела ворона. – Просто ты стал не больше гусеницы и теперь будешь многое воспринимать по-другому, многому научишься, как ты и хотел. А мне пора. Пока-а!..

Ворона взмахнула крыльями, и от этого поднялся такой ветер, что вся трава закачалась, а мальчик не удержался на ногах и упал.

Карра улетела. Малыш остался совсем один среди зарослей высокой травы.

9. Скриптиус

Когда все стихло, мальчик поднялся и осмотрелся вокруг. Кругом росли густые джунгли из гигантской травы. Вдруг где-то поблизости мальчик услышал чьи-то всхлипы. Совсем недалеко от него. Потом ещё какой-то непонятный звук и снова всхлипы.

– Это любопытно, – сказал он сам себе и пошёл на звук.

Вскоре он добрался до небольшой поляны среди травы и выглянул из-под листа подорожника, чтобы узнать, что там творится. На краю поляны, возле большой кучи каких-то поломанных листьев и стеблей, величиной с бревно, сидело огромное черное чудовище с большим и крепким рогом на лбу. Оно было настолько страшным, что мальчик даже упал на землю и закрыл глаза. Но, снова услышав плач и всхлипы, поднял голову. Тут он увидел, что плачет это самое чудовище, которое очень походило на гигантского жука-носорога из папиной коллекции. Только теперь мальчик догадался, что это вовсе не чудовище, а самый настоящий жук-носорог и есть.

– Как же я сразу не догадался, – прошептал малыш про себя. – Ведь я теперь такой маленький, что все насекомые кажутся мне великанами. Этот жук с меня ростом!

Страх тут же отступил, и малыш решил выйти к жуку. На всякий случай он прихватил толстую палку, которая лежала рядом на земле. Но потом он вспомнил слова Карры и, отбросив палку в сторону, вышел из укрытия.

Увидев мальчика, жук тут же встал в угрожающую позу, выставил вперед свой рог и закачал головой, как настоящий носорог. Мальчик заметил, как из-под листьев и из-за стеблей травы стали выглядывать черные головы других жуков. Отступить было некуда, и малыш смело решил идти вперед.

– Я не хочу тебе сделать ничего плохого, – сказал он. – Ответь только, почему ты плачешь?

– И он ещё спрашивает, – завыл жук. – И он ещё говорит, что не сделает мне ничего плохого! Да ты уже сделал мне плохо, Маленький Великан. Ты разрушил мой дом. Вот почему я плачу.

– Но я не рушил твоего дома, – возразил малыш.

– Ты просто не заметил этого, потому что был большим, – сказал жук. – Мы знаем тебя. Ты часто приходишь к пруду и часто топчешь наши дома, гуляя по траве. Люди почему-то любят гулять не по тропинкам, которые специально предназначены для ходьбы и которые они сами же проложили, а по траве. И при этом обязательно кого-то давят или разрушают чьи-то дома. Ведь мы же не живем на ваших тропинках. Проложили и ходите себе. Так нет, вам мало тропинок. – Жук тяжело вздохнул. – Ничего нельзя изменить. Таковы уж люди. А ты только представь, сколько вы раздавите и поломаете прежде, чем протопчите хоть одну тропинку. Да и потом на вашу тропинку всегда кто-нибудь выскочит, и прямо под ноги. – Жук снова вздохнул. – Видишь эту кучу мусора? – Он показал на поломанные листья и травинки. – Только что это был мой дом. Но, перед тем как превратиться в маленького, ты наступил на него.

– Извини меня, – сказал малыш. – Мне, правда, очень жаль. Я не знал. Я нечаянно. Может, его ещё можно отремонтировать? Я бы помог.

– Куча мусора может быть только кучей мусора, – ответил жук. – Ничего нельзя изменить.

– Но можно построить новый дом.

– Новый дом? – жук грустно покачал головой. – Да, конечно, новый дом, это лучше всего. Тем более, что больше ничего не остается. Если что-то поломалось, всегда надо начинать все с начала. Это лучше всего.

– Я помогу, – сказал мальчик.

– Хорошо, – ответил жук. – Я рад, что ты так добр, Маленький Великан.

– А почему ты меня зовешь Маленьким Великаном? – спросил малыш.
– Все люди для нас – великаны. Но ты уменьшился и стал маленьким. Поэтому я и зову тебя Маленьким Великаном.

– А как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Скриптиус, – ответил жук. – Зови меня Скриптиусом.

Тут он повернулся к зарослям травы и крикнул:

– Выходите! Маленький Великан стал нашим другом. Он хочет помочь мне построить новый дом.

Из-под листьев и из-за стеблей травы стали выползать на поляну другие жуки. Они хлопали мальчика лапками по плечам и щекотали усами.

– Так они знакомятся, – сказал Скриптиус.

– Какой он мягкий, – сказал один из жуков.

– У него совсем нет панциря, – ответил другой.

– Он мягче гусеницы, – сказал третий.

– Он даже мягче червей, – добавил четвертый.

Здесь были не только жуки-носороги, но и жуки с красивыми узорчатыми поблескивающими на солнце крыльями. Мальчик узнал в них жуков-жужелиц. Были и другие жуки, названия которых малыш не знал. Все жуки казались ему ужасно волосатыми и противными, с мощными челюстями и волосатыми лапами. Раньше малыш и не замечал, что жуки такие лохматые. Раньше они всегда казались ему гладкими и скользкими.

10. Траурная соната

Вдруг раздался ужасный скрежет, похожий на звучание большого ненастроенного контрабаса, по струнам которого водят кривой кочергой. Все жуки тут же выстроились в два ряда, образовав посередине широкий проход.

– Что случилось? – спросил мальчик, примыкая к тому из рядов, в котором стоял Скриптиус.

Скрежет нарастал и приближался.

– Это наш Страдивади играет на своей скрипке траурную сонату, – ответил жук.

– Кто играет? – переспросил мальчик.

– Смотри, – сказал Скриптиус.

Мальчик обернулся. Из зарослей травы на полянку вышел большой зеленый кузнечик. Он не прыгал, а медленно передвигался на мохнатых лапках и одновременно издавал скрипучий стрекочущий звук.

– Это наш Страдивади, – повторил Скриптиус.

Вслед за кузнечиком появилась процессия, которая состояла из жуков–могильщиков, гусениц и нескольких бабочек. Гусеницы несли две длинные соломинки, на которых лежало поломанное крыло бабочки-репейницы.

– Что это? – спросил шёпотом мальчик.

– Это похоронная процессия, – ответил ему в полголоса жук.

– А почему они несут только одно крыло?

– Это все, что осталось от Фелицы, самой веселой нашей бабочки-репейницы, – ответил Скриптиус. – Это её крыло. Я узнал его сразу. Что с ней случилось? – спросил он у подползающей гусеницы из похоронной процессии.

– Ее склевала галка, – ответила та.

– Ох уж эти птицы! – вздохнул жук-жужелица с поблескивающими на солнце крыльями. –

Они ещё прожорливей, чем пауки.

– Познакомьтесь, это Красавчик, – сказал Скриптиус, показывая на жука-жужелицу.

– Красавчик-Красотел, – представился жук, слегка поклонившись.

– А я... – мальчик хотел было назвать свое имя, но Скриптиус опередил его:

– Это Маленький Великан.

– Я уже слышал, – ответил Красотел. – Будем знакомы.

Как только похоронная процессия покинула поляну, все жуки стали расползаться. Каждый занялся своим делом, совершенно не обращая внимания на других. Красавчик приступил к рытью пещеры под большим бревном, которое в действительности было простым обломком маленькой веточки дуба. Ещё слышны были звуки страдающей скрипки Страдивади, но все уже словно забыли о похоронах.

11. Дом N 1/4

Мальчик оглянулся и увидел, что Скриптиус разгребает кучу мусора возле пня, которая совсем недавно была его домом. Рядом копошились другие жуки, но никто не помогал Скриптиусу.

– Почему никто не помогает тебе? – спросил малыш.

– А зачем? Разве я сам не справлюсь? Каждый должен сам строить свой дом, а не ждать помощи от других.

– Но друзья всегда должны помогать друг другу, – ответил мальчик.

Он стал собирать мелкие обломки и относить их в сторону. Скриптиус, словно бульдозером, загребал рогом основной мусор.

– У нас никто никому не помогает. Это не принято, – сказал он. – Каждый занимается своим делом. И ты можешь не помогать мне, если хочешь. Мы и так подружились, а значит – не съедим друг друга, чего же ещё?

– Но я хочу помочь тебе, – ответил мальчик. – Ведь это я раздавил твой домик, значит, я должен и помочь тебе построить новый.

– В этом мире никто никому ничего не должен. Жизнь очень коротка, чтобы разменивать её на других. Но всё равно, спасибо. Хотя у нас и не принято помогать друг другу. Мы индивидуалисты. У нас каждый сам по себе. Это у муравьев всё для муравейника. Но мы не муравьи.

– А если со мной что-нибудь случится, разве ты не поможешь мне? – спросил Маленький Великан.

Жук остановился и, немного подумав, сказал:

– Не знаю. Случится может слишком разное, чтобы наперед ручаться за свои действия. Но ты мне нравишься, и я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Он стал ломать челюстями новые соломинки, которые казались мальчику настоящими бревнами, и таскать их к домику. Малыш тоже схватил одну из травинок, которые нарубил жук, но она оказалась такой тяжелой, что мальчик с трудом дотащил ее до пня.

– Никогда не думал, что травинка может быть такой тяжелой, сказал он, отдышавшись и вытерев пот со лба.

– В чужом мире даже воздух может быть тяжёлым, – ответил жук. – Ты слишком слаб для такой работы. У тебя даже нет ни когтей, ни клешней, ни панциря. В нашем мире ты – нежная личинка, которую на каждом шагу будут поджидать опасности. Лучше насобирай мне трухи на подстилку, чтобы мягче было спать.

Мальчик натаскал трухи, и жук утащил её в свой дом. Дом у Скриптиуса получился крепкий, но некрасивый.

– Что-то он не очень мне нравится, – сказал жук, закончив строительство. – Тот дом, который ты раздавил, был намного лучше.

– Это всё потому, что строишь ты безо всякого плана, – ответил малыш.

– Без какого плана? – удивился Скриптиус.

– Прежде, чем строить, нужно нарисовать то, что ты хочешь построить, – сказал мальчик. – Меня так папа учил.

– Но я не умею рисовать, – ответил жук.

– Ничего, – сказал малыш. – Зато я немного умею. В одной книжке про собаку, которая была кошкой, я видел прекрасные дома. Сейчас я тебе нарисую.

Мальчик взял палочку и нарисовал на песке дом, который видел в книжке. Конечно, дом у него получился без балконов и окон, но он подумал, что для жука это не главное.

– Красота! – сказал Скриптиус, посмотрев на рисунок. – Глядите, какая красота! – позвал он остальных жуков.

– Красота! – сказали остальные жуки. – Мы никогда не строили таких домов.

– Значит, у меня будет первый, – ответил Скриптиус.

Они снова принялись за работу. Когда домик был почти готов, к малышу подошёл Красавчик:

– Маленький Великан, нарисуй дом и для меня, чтобы я тоже мог построить по плану такой красивый дом.

– И мне. И мне, – стали просить другие жуки.

Тогда малыш показал им на свой рисунок и сказал:

– Вот вам типовый проект и каждый из вас сможет по нему построить себе дом.

– Но если все дома будут одинаковыми, как мы сможем их различать? – спросил Скриптиус.

– По номерам, – ответил Маленький Великан. – У нас, у людей, все находят свои дома по номерам. Вот у тебя будет дом номер один.

– Но это уже мой четвёртый дом, – сказал жук. – Если поставить цифру «1», то никто не будет знать, что это уже четвёртый мой дом. Исчезнет память о предыдущих домах. А ведь я их тоже очень любил. Нельзя ли как-нибудь обозначить, чтобы сохранилась память?

Малыш задумался.

– Когда мы с папой ездили в город, я видел на одном доме сразу две цифры, написанные через черточку. Папа сказал, что это дроби, и что они нужны в том случае, если у дома два номера. Пусть и у твоего дома будет два номера. Его номер будет $1/4$. Тогда всем станет ясно, сколько раз ты строил свой дом.

– Здорово! – сказал Скриптиус.

Он немедленно смастерил табличку с новым номером и повесил его над дверью.

12. Соната N 2, и пятнадцать сонат одного дня

Как только они закончили работу, из зарослей травы снова раздались скрипучие звуки. Жуки немедленно выстроились в ряд. На этот раз хоронили крылышко и ножку божьей коровки, которая нечаянно попала в муравейник. На скрипке играл уже другой кузнечик.

– Это наш Бетховенади, – пояснил Скриптиус. – Одному Страдивади не справиться. Слишком много погибает насекомых. Иногда в день у нас проходит по десять похорон. Ничего тут не поделаешь. Мы слишком малы, чтобы изменить суть вещей, – вздохнул он. – Ничего нельзя изменить. Нам ещё повезло, что наш сад – очень спокойное место.

– И что же, – спросил я малыша при новой нашей встрече, когда он рассказывал мне эту историю, – у них действительно так часто хоронят насекомых?

– Да, – ответил мальчик. – Но они хоронят не всех, а только тех, от кого что-нибудь осталось. А об остальных они хранят память и передают её своим детям.

– И они помнят всех? – спросил я.

– Почти всех, – ответил малыш. – Скриптиус рассказал мне, как его мать поведала ему древнюю историю, дошедшую до неё через поколения от прареставдцатой бабушки. В тот вечер предкам Страдивади и Бетховенади пришлось сыграть пятнадцать сонат.

– Пятнадцать сонат? Разве в тот день произошло что-то ужасное?

– Нет, это был обычный день, – сказал малыш. И добавил: – Слишком обычный для их жизни.

13. Нападение

Тут раздался громкий свист и поднялся страшный ветер.

– Спасайся! Спасайся! – закричали жуки и кинулись в разные стороны.

– Галки! Галки! – слышалось вокруг.

Мальчик не успел оглянуться, как остался один посреди полянки. Рядом лежало брошенное крылышко божьей коровки. Огромные черные птицы стремительно неслись прямо на него. Не помня себя от ужаса, малыш бросился бежать.

– Скорей! Скорей! – кричали ему из зарослей.

Но мальчик не мог бежать так быстро как жуки, ведь у него было всего две ноги, да и то не такие крепкие и длинные, как у жуков. Возле самой травы малыш споткнулся и упал. Он видел, как птицы уже спустили на землю свои огромные когтистые лапы. Одна из них устремилась прямо на него. От страха малыш зажмурил глаза и прижался к земле, но в последний момент успел заметить, как из зарослей к нему ринулась чья-то черная тень и накрыла его. Это был Скриптиус. Но в следующий же миг тень исчезла. Мальчик поднял голову, чтобы посмотреть, что произошло, и увидел, как одна из галок поднимает в воздух Скриптиуса.

Ещё не успев ничего сообразить, малыш почувствовал, как его подхватили сильные лохматые лапы и поволокли к зарослям травы. Это был Красавчик Красотел.

– Превращайся скорей в великана! – крикнул он. – Иначе они всех нас переключают.

– Но если я превращусь сейчас в большого, то раздавлю вас в траве. Мне нужно сначала выбраться на тропинку.

– Бежим скорей, я знаю короткую дорогу, – крикнул Красотел. – Влезай на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.